
УДК 94(470.6) «18»
ББК 63.3 (235.7)5
Ф 32

Л.Д. Федосеева,
*заместитель декана по учебной работе исторического факультета
Адыгейского государственного университета, тел. 8(8772)57-13-24*

**Развитие капиталистических отношений
в сельском хозяйстве Северо-Западного Кавказа
(конец 60-х — 90-х гг. XIX века)**

(Рецензирована)

Аннотация. В этой статье рассматривается процесс развития капиталистических отношений на Северо-Западном Кавказе после окончания Кавказской войны, отмены крепостного права в России и аграрной реформы, проведенной в этом регионе.

Ключевые слова: пореформенный период, предпринимательство, натуральное хозяйство, сельская община, фермерское хозяйство, скупщики, капиталистический уклад, ростовщичество, рыночный обмен.

L.D. Fedoseyeva,
*Deputy Dean for study of Historical Faculty of Adyge State University,
ph. 8(8772) 57-13-24*

**Development of capitalist relations in agriculture
in the Northwest Caucasus (the late 1860s — 1890s)**

Abstract. This work examines the development of capitalist relations in the Northwest Caucasus after the termination of the Caucasian War, serfdom cancellation in Russia and agrarian reform implemented in this region.

Keywords: the post-reform period, business, a subsistence economy, a rural community, a farm, buyers, capitalist way, usury, a market exchange.

Присоединение Северного Кавказа к России совпало с отменой крепостного права в стране, что способствовало дальнейшему развитию хозяйственной и торговой жизни края. Реформа представляла определенный шаг в направлении к капитализму.

Сельскохозяйственное развитие России в пореформенный период было не столь успешным. И только на Северном Кавказе, где помещичье землевладение невелико или оно вообще отсутствовало, стало быстро утверждаться предпринимательское, фермерское хозяйство.

Развитие капиталистических отношений наиболее заметно проявилось в земледелии, которое достигло более высокого уровня после крестьян-

ской реформы. В результате количество посевных площадей увеличилось, повысилась урожайность сельскохозяйственных культур, поднялась производительность труда, обогатились методы обработки земли.

Начиная с 70-х гг. XIX в. земледелие быстрее развивалось на Кубани, а в горных районах региона медленнее. Главными предметами торговой деятельности являлись хлеб и другие продукты земледелия. Эти районы становились житницей России и основными поставщиками хлеба на экспорт. Так, по Кубанской области валовой сбор всех хлебов за 1875-1896 гг. увеличился в 9,8 раза с 1958 млн. до 19250 млн. четвертей, а сбор пшеницы в тот же период —

в 19,4 раза, с 310 тыс. до 6004 тыс. четвертей. К концу XIX в. на долю пшеницы приходилось до 60% посевной площади Северного Кавказа. Вместе с тем резко возрастал и чистый сбор зерна. Он увеличился за тот же период с 1,3 до 6,3 четвертей, почти в пять раз.[1]

Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что земледелие Кубанской области к концу XIX в. добилося значительных успехов, причем особенно возросло производство хлеба на продажу. И, в первую очередь, этого удалось достичь благодаря возросшему притоку в регион огромной армии крестьян-переселенцев.[2]

В мировом экспорте хлеба Россия занимала первое место. Цены на хлеб на мировом рынке держались высокие. Основной полеводческой культурой до реформы у горцев было просо, но после реформы, приспособиваясь к требованиям рынка, они стали больше сеять кукурузы и пшеницы.[3]

На смену мелким посредникам в хлебной торговле пришли комиссионеры, развернувшие свою деятельность в крупных торговых центрах; расширили операции конторы местных хлеботорговцев. На Северо-Западный Кавказ стали проникать крупные хлеботорговые фирмы, в том числе иностранные, занимавшиеся вывозом зерна. До 13 млн. пудов в год отправляла за границу французская фирма «Луи Дрейфус и Ко». Немало вывозили фирмы А. С. Вальяно, Сифнео, братьев Дюмортье [4].

С введением в 1872-1875 гг. железной дороги между Ростовом и Владикавказом центр тяжести хлеботорговых операций все больше перемещался к железной дороге. По сведениям Кубанского статистического комитета, в течение 16 лет после открытия Владикавказской железной дороги население области удвоилось, а хлебные запашки возросли с 500 тыс. десятин до 1,5 млн. десятин.[5] Уже к началу 90-х гг. крупные хлеботорговые фирмы скупали до 30% товарного хлеба, а комиссионеры —

до 50%, местные хлеботорговцы — 17%, а на долю сельских лавочников и мелких скупщиков приходилось только 3% товарного хлеба.[6]

Проведение железной дороги способствовало капиталистической эволюции края. На смену ранее преобладавшему в экономике края животноводству на первое место выдвигалось торговое земледелие. Этот процесс, начавшийся еще в дореформенное время, продолжался и в пореформенный период. В хозяйстве адыгов земледелие стало играть более важную роль, чем скотоводство. В аулах все более развивалось хлебопашество. Наблюдался рост посевной площади и изменение ее структуры. Новые, более прогрессивные элементы в земледелии наблюдались, главным образом, в аулах, основанных в непосредственной близости от русских селений, где сильнее было влияние. Сближению казаков и горцев способствовало и чересполосное расположение станиц, хуторов и аулов во второй половине XIX в.

В 80-х гг. заметным стал рост новых явлений в экономике. Возросли посевы кукурузы, были освоены новые культуры: гречиха, подсолнечник, табак. В аулах росли посевы кукурузы и других зерновых культур, которые уже шли не только для собственного потребления, но и для продажи. В своем отчете за 1881 г. начальник Кубанской области писал: «Ввиду сбыта ржи и кукурузы на винокуренные заводы горское население Кубанской области, преимущественно той части ее, где находятся оные заводы, значительно увеличило распашку земли, которая обращается в продажу не только на заводы Кубанской области».[7]

Вывоз хлеба со станиц Кубанской области в Россию из года в год увеличивался. По железной дороге было вывезено в этом направлении более 16 млн. пудов хлеба. В июле 1888 г. сооружение Новороссийской ветви, которая перерезала Кубанскую область, позволило соединить станцию Тихорецкую с Новороссийском,

с открытым морем. Новороссийская ветка в первое же полугодие (июль 1888 — январь 1889 гг.) перевезла 3222488 пудов разных грузов; хлебные грузы составляли большинство из них — 2807304 пуда, то есть 87,1% всего ввоза. Затем вывоз собственно хлебных грузов морем из Новороссийска сразу достиг значительной величины: в 1890 г. — 30047657 пудов, в 1895 г. — 37276347 пудов, а в 1897 г. — 17538009 пудов. Средний же за эти 9 лет годовой отпуск хлеба из Новороссийска составил 25632348 пудов. Этот хлеб вывозился преимущественно из Кубанской области [8].

В роли главных производителей торгового зерна выступали зажиточные и кулацкие хозяйства. К концу XIX в. основной формой производства стало мелкобуржуазное предпринимательство. Крупных капиталистических хозяйств было немного, и принадлежали они исключительно предпринимателям из казачьего сословия. Крупные операции по хлебной торговле вели: в ст. Кореновской — К. Б. Истрашкин; в Екатеринодаре — А. А. Коваленко, Н. П. Лозин-

ский, Ф. Ф. Морозов, т-во Дицман, бр. Штейнгель; в Новороссийске — И. Д. Герт, А. А. Никулин, бр. Асланиди, Л. П. Шоров, Х. З. Левицкий; в Абинской — бр. Кургузовы; в Усть-Лабинской — бр. Унановы, Руттер; в Армавире — В. И. Сурин, Г. П. Бабаев, С. А. Горюн [9]. В мелком крестьянском натуральном хозяйстве по-прежнему преобладали посевы проса — основного хлеба адыгов. Рост валового сбора шел за счет увеличения посевных площадей.

Проникновение капитализма в земледельческое хозяйство Северо-Западного Кавказа в 70-х — 90-х гг. XIX в. изменило структуру посевных площадей в соответствии с потребностями внутреннего и внешнего рынков в пшенице, ячмене, ржи, льняном семени. Данные о вывозе хлебных грузов за период с 1886 по 1897 гг. [10].

В таблице дано процентное соотношение экспорта пшеницы, ржи и ячменя к общему количеству всех хлебных грузов, вывезенных со станций железной дороги в пределах Кубанской области.

Таблица

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Проч.
1886	66	1	27	6
1887	82	4	12	2
1888	83	7	8	2
1889	77	9	12	2
1890	73	6	13	8
1891	64	21	7	8
1892	69	20	10	1
1893	76	8	12	4
1894	78	5	13	4
1895	80	4	14	2
1896	82	1	15	2
1897	87	1	10	2

В связи с развитием и усовершенствованием местной земледельческой промышленности увеличивается ввоз в Кубанскую область земледельческих машин и орудий. С развитием капитализма менялись и земледельческие орудия у казаков и горцев. Устаревшие заменялись бо-

лее совершенными-привозными. С 70-х гг. XIX в. появилась сельскохозяйственная техника: заводские плуги, жатки, косилки, паровые молотилки. Хотя эти орудия и машины могли приобрести в основном зажиточные, однако бедные крестьяне нередко вскладчину покупали их для

общего пользования. Сноповязалка стоила 335 руб., жнейка — 160 руб., сенокосилка — 125 руб., конные грабли — 55 руб. Такие орудия могли покупать только владельцы экономий, зажиточные горцы и казаки. В конце XIX в., по подсчетам Ф. А. Щербины, на 100 хозяйств приходилось усовершенствованных орудий: в крестьянских селах — 40, в казачьих станицах — 29, а в горских аулах — только 11[11].

По технической оснащенности казачьи хозяйства опережали горские. На одно хозяйство казака приходилось в среднем по 2,9 единиц сельскохозяйственных машин и орудий, у горцев — по 0,9. Самый большой процент хозяйств, имевших собственные сельскохозяйственные машины и орудия, также был у казаков. Именно в их хозяйствах сосредотачивалась большая часть сельскохозяйственной техники Кубани. Достаточно сказать, что из 246 тыс. плугов 168,6 тыс. (или 68,5%) принадлежало казакам[12]. Таким образом, в рассматриваемое время казачьи хозяйства Кубани по многим показателям опережали хозяйства горцев, которые продолжали пользоваться самодельными сохами или плугами, не имея возможности купить заводские.

В связи с проведенной земельной реформой принимает широкие размеры продажа и покупка земли. Развивались арендные отношения. Формы аренды были многообразны: от капиталистической предпринимательской аренды в русских селах и станицах, до традиционной издольщины у горских народов. Кулаки арендовали огромные массивы земель, создавая фермерские хозяйства.

О проникновении капиталистических отношений в сельскую общину свидетельствуют участвовавшие случаи сдачи в аренду общинных участков[13]. В горских обществах сохранились кабальные виды издольщины, при которых крестьяне «исполу» обрабатывали земли кулаков и бывших феодальных владельцев или, вступая в товарищества с кулаками

для совместной аренды земли, несли всю тяжесть этой аренды, работая и на владельца земли, и на кулака, с которым вместе арендовали землю. Арендные связи, в которые постоянно вступали казаки и горцы, способствовали знакомству с бытом соседей, взаимодействию культур.

Одним из важнейших показателей экономического потенциала хозяйств в рассматриваемое время можно считать индекс эксплуатации наемных рабочих и хозяйств, их выделявших. В 1897 г. в Лабинском, Кавказском и Ейском отделах он колебался от 3,1 до 6,9, а в предгорных — от 1 до 1,7, то есть различие было довольно значительным. Выше оказался и индекс использования наемной рабочей силы в казачьих хозяйствах. В 1897 г. он составлял 2,4, в то время как в крестьянских хозяйствах — 1,4, у горцев — 0,8. Эти данные подтвердились и общими сведениями экономического положения кубанских станиц. Так, в крестьянских селах с посевами свыше 10 десятин насчитывалось 23,1%, в горских аулах — 5,9%, у казаков, имеющих свыше 4-х голов рабочего скота, было 39,6%, у крестьян — 25,4%, у горцев — 23,8%. [14]

Развитие капитализма оказало заметное влияние и на скотоводство. К шестидесятым годам XIX в. на территории Северо-Западного Кавказа имелись уже выдающиеся по своим хозяйственным качествам местные породы крупного рогатого скота, лошадей и овец. С 70-х гг. наблюдался значительный рост их поголовья.

Горцы стали разводить крупный рогатый скот в большом количестве. Местный горский низкопородный скот стал быстро вытесняться покупкою у казаков-производителей крупного рогатого скота, что способствовало улучшению пород горских коров. Особенно ценился горцами серый украинский скот, рослый, высокой упитанности, впоследствии получивший название Черноморского. [15] Поэтому в аулах охотно покупали производителей украинского скота и тем улучшали породность скота.

Адыги стали постоянными посетителями ярмарок и базаров в станицах, а русские торговцы все чаще скупали горские продукты непосредственно в аулах. Подтверждением этому является книга реестра удостоверений на право продажи горцами скота.[16] Издавна славилось на московском и петербургском рынках превосходное мясо «черкасских» быков. Как подчеркивал В. И. Ленин, «на крайнем юге и юго-востоке утвердился самая экстенсивная форма скотоводства, именно нагульное мясное скотоводство».[17] Почти треть крупного рогатого скота сосредотачивалась в Лабинском и Баталпашинском отделах.

По мере развития капитализма в сельском хозяйстве появлялся и новый тип скотопромышленников. Большой вклад в совершенствование разведения различных пород крупных рогатых животных вносили животноводческие «заводы» Н. В. Кулешова, Т. Г. Мазаева, бр. Пеховских, Н. И. Меснянкина.[18]

Специализация горских аулов на животноводстве привела к переменам этой традиционной для них отрасли хозяйства. Подтверждением этому является подворный список учета скота на 1898г.[19] Высокогорные местности специализировались на разведении овец. В Баталпашинском отделе Кубанской области разводилась ценная карачаевская порода грубошерстных овец. С 70-х гг. на Кубани начало бурно развиваться тонкорунное овцеводство. Известными предпринимателями овцеводами являлись Мазаевы, Петрики, Николенко. Славилась своими отарами Заболотный — 12 тыс. овец, Меснянкин — 22 тыс., Пеховский — 35 тыс. Так, в имении барона Штейнгеля «Хуторок» имелось около 40 тыс. овец.[20]

Большое внимание стали уделять коневодству. «Черкесские лошади, — писал Карл Пейсонель, — чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые как в беге, так и в уста-

лости. Их голова несколько напоминает клюв ворона, они довольно похожи на английских лошадей; здесь очень сильно заботятся о продолжении определенных пород... Из Черкесии вывозят только меринов; других в этой стране даже не употребляют. Жеребцы имеются только заводские».[21] Если ранее использовали лошадь в основном для верховой езды, то в послереформенный период стали использовать ее в хозяйстве. Именно скотоводство горцев Кубанской области принимало товарный характер. В торговле скотом особое место стали занимать лошади, так как казаки приобретали лошадей у горских коннозаводчиков для укомплектования Кубанского казачьего войска и для других военных округов России. Эти отношения были настолько постоянными, что горские предприниматели Байчоров, Хандуков, Мекеров выводили на продажу специальную породу лошадей — «казачью лошадь», ростом 2 аршина 2 вершка и определенного экстерьера.[22] Такая селекция способствовала тому, что лошади Баталпашинского отдела считались на Кубани лучшими по всем статьям. Именно здесь у горцев особенно было развито коневодство. Из 542 табунов Кубанской области на Баталпашинский отдел приходилось 342 табуна. Если в 70-е гг. на Кубани насчитывалось 112 тыс. лошадей, то к концу XIX в. — 353,8 тыс. голов. Среди коннозаводчиков выделялись Султан Махан-Гирей — владелиц 400 голов, Дере Магомет Измаил — 300 голов в Майкопском отделе, Байчоров — 1000 голов, Зацрумов — 500 голов в Баталпашинском отделе.[23] У горцев преобладали лошади кабардинской породы, хорошо приспособленные для условий горной местности, слава о которых распространилась по России и за ее пределами. Так, турецкое правительство в 1884 г. вело переписку о приобретении лошадей в южной России.[24] На Кубани имелись и конные заводы, где разводили очень редкую растопчинскую породу верховых лошадей на заводе Пехов-

---

ского, донскую породу — на заводе Николенко, чистокровных английских скакунов — на конных заводах Штейнгеля, Туганова.[25]

С развитием скотоводства увеличивалась торговля шерстью, кожами. Центры этого вида торговли были сосредоточены в районах наибольшего развития животноводства.

С окончанием строительства основных линий Владикавказской железной дороги появилась возможность вывоза плодов и вина, что способствовало развитию новой отрасли сельского хозяйства. В аулах Кубанской области садоводство в основном носило потребительский характер и не было связано с рынком. Тем не менее у горцев, особенно у адыгов, были выработаны определенные методы выращивания фруктов; народной селекцией выведены наиболее подходящие к природным условиям сорта яблок, груш, слив и других фруктов. С 70-х гг. XIX в. садовая фирма «Братья Шик» была известна не только на Кубани, но и за ее пределами — в Туркестане, в Сибирской губернии.[26]

Большие успехи были достигнуты в огородничестве, особенно в разведении картофеля, который хорошо рос в некоторых аулах, даже в горах.

Из других побочных отраслей сельского хозяйства наиболее выгодными являлись табаководство, виноградарство и пчеловодство. Первые табачные посевы появились на Кубани в 60-х гг. в районе Анапы. Начало разведения табачной культуры было положено иностранцами, они же составляют и главный контингент табаководов. В 70-х гг. табаководство начало культивироваться в Екатеринодарском и Майкопском уездах. От купцов поступали заявления на право открытия табачных фабрик.[27] В 1897 г. табачными плантациями было занято более 10 тыс. десятин и снято с них более 60 тыс. пудов табака.[28] В 1890 г. число табачных плантаций, владельцами которых были горцы, возросло.[29] Крупные торговые операции осу-

ществляли как владельцы табачных плантаций, так и табачные фабриканты. К числу предпринимателей, занимавших ведущее положение в табачной торговле, относились Бедросов, Сеферов, Тарасов, Азвестопуло, Канклиди, Сарантиди и др.[30] Виноградарство и виноделие из-за отсутствия знаний и недостатка капитала, хотя и медленно, но все же развивались. Всего виноградниками в 1896 г. в Кубанской области было занято 4,323 десятины земли, из них на войсковой территории — 2,856 десятин. Дохода от виноградников получено — 225440 руб.[31] Постепенно выделились специализированные районы по возделыванию винограда. Это Анапа — в Кубанской области, а в Черноморской губернии крупнейшими центрами стали Новороссийский округ и удельное имение Абрау-Дюрсо, а также районы Сочи.

Пчеловодство занимает видное место в сельском хозяйстве как одна из выгоднейших его отраслей, требовавшая наименьшего количества затрат. В общем доходность от пчеловодства выразилась в 1897 г. в сумме 280 тыс. руб., из которых на долю казачьего населения приходится более 177 тыс. руб.[32].

Видное место в торговле продуктами сельского хозяйства занимали скупщики. Плохие дороги затрудняли доступ крестьян на крупные рынки. Дорогостоящая транспортировка в таких условиях оказывалась под силу только зажиточным хозяевам. Скупка товаров горского хозяйства производилась не только на ярмарках и базарах, но и непосредственно в горских селениях и даже на горных пастбищах, куда приезжали скупщики. Они использовали неосведомленность крестьян о ценах на сельскохозяйственную продукцию, широко практиковали выдачу авансов под зерно, расплату товарами, занимались ростовщичеством.

Торгово-ростовщический капитал во второй половине XIX в. все глубже проникает в экономику адыгов. В аулах имелось большое количество

торговцев, скупщиков и ростовщиков. Скупщики покупали у населения по дешевой цене зерно, скот и кустарные изделия и перепродавали их со значительной прибылью. Они выступали посредниками между рынком и деревней. Ростовщичество в аулах достигло колоссальных размеров. В лице местного торговца-ростовщика русская буржуазия имела агентов, которые проникали в самые отдаленные адыгские аулы, помогали вовлечь каждый горский двор в рыночный обмен. Следовательно, торгово-ростовщический капитал значительно расширил рамки капиталистического уклада.

Таким образом, в 60-х — 90-х годах XIX века на Северо-Западном Кавказе происходил процесс капитализации сельского хозяйства. Четко определились районы торгового зернового хозяйства, товарного скотоводства, производства на рынок кукурузы, табака, подсолнечника. Расширились посадки виноградников, видное место занимало пчеловодство, что, в свою очередь, привело к появлению крупных предпринимателей как среди горцев, так и казаков. К концу XIX века весь Северо-Западный Кавказ оказался втянут в общероссийский рынок, что и отразилось на уровне развития сельскохозяйственного производства.

Примечания:

1. Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 255-256.
2. Бурькина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII — 90-е годы XIX века. Майкоп, 2002. С. 129.
3. См.: Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С. 195.
4. Кубанский календарь на 1898 г. Екатеринодар, 1897. Отдел 2. С. XII.
5. Кубанские областные ведомости. 1893. №21.
6. Щербина Ф.А. Общий очерк экономических торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Т. 2. СПб., 1893. С. 71.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 452. Оп. 1. Д. 9026. Л. 114.
8. Собриевский А.С. Екатеринодарский хлебный рынок и вывоз хлеба из Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 1-3.
9. Живило К.Т. Сельскохозяйственный и промышленный справочник Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 501-580.
10. Собриевский А.С. Указ. соч.
11. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 30.
12. Ратушняк В.Н. Об уровне экономического развития казачьих хозяйств Кубани в конце XIX — начале XX в. // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 97.
13. См.: Зевакин Е.С. Разложение сельской общины. Расслоение адыгского аула после реформы // Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 436.
14. Ратушняк В.Н. Указ. соч. С. 95-97.
15. Ваганов С.В. Краткий очерк скотоводства Кубанской области в связи с ныне практикуемыми способами выращивания телят и разведения скота. Екатеринодар, 1895. С. 9.
16. Национальный архив Республики Адыгея (далее — НАРА). Ф. 21. Оп. 1. Д. 111. Лл. 1-45.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 256.
18. Российский Государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 330. Оп. 65. К. 3567. Д. 12/11. Лл. 25-26.
19. НАРА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 242. Лл. 1-45.
20. РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. К. 2977. Д. 72. Лл. 5-6.
21. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. (далее — АБКК). Нальчик, 1974. С. 197.
22. Невская Т.А. Казаки и горцы Верхней Кубани (конец XIX — начало XX вв. // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996. С. 180-181.
23. Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861 — 1905 гг. (Историческое исследование) // Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. Ставрополь, 1970. С. 130, 155.
24. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 50. Лл. 1-27.

25. РГВИА. Ф. 330. Д. 86-100. Л. 7; ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 198. Лл. 1-30; Д. 338. Лл. 1-27; Д. 660. Лл. 35-90.
26. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1900. 8 марта.
27. НАРА. Ф. 1/15 С. Оп. 1. Д. 6. Лл. 1-15.
28. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 938. Л. 39.
29. НАРА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 44. Лл. 1-3.
30. Кубанский календарь на 1898 г. Екатеринодар, 1897. Отдел 2. С. XII.
31. Там же. С. 75.
32. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 938. Л. 39.

References:

1. Fadeev A.V. The formation of agricultural capitalism in the North Caucasus in post-reform period // Annual of the agrarian history of the Eastern Europe. 1959. М., 1961. P. 255-256.
2. Burykina L.V. Resettlement movement to Northwest Caucasus in the 90s of the XVIII and 90s of the XIX century. Maikop, 2002. P. 129.
3. See: Kумыков Т.К. The involvement of the North Caucasus in the All-Russian market. Nalchik, 1962. P. 195.
4. The Kuban calendar for 1898. Ekaterinodar, 1897. Department 2. P XII.
5. The Kuban regional sheets. 1893. №21.
6. Shcherbina F.A. A general sketch of economic commercial and industrial conditions of the Vladikavkaz railway area. V. 2. SPb., 1893. P. 71.
7. The state archives of Krasnodar territory (further GAKK). F. 452. Op. 1. D. 9026. L. 114.
8. Sobrievsky A.S. Ekaterinodar grain market and export of bread from the Kuban area // Kuban collection. Ekaterinodar, 1899. V. 5. P. 1-3.
9. Zhivilo K.T. The agricultural and industrial directory of the Kuban area // Kuban collection. Ekaterinodar, 1910. V. 15. P. 501-580.
10. Sobrievsky A.S. Mentioned work.
11. Shcherbina F.A. Mentioned work. P. 30.
12. Ratushnyak V.N. On the level of economic development of the Cossack economy of Kuban at the end of the XIX and at the beginning of the XX century // The Cossacks in the history of Russia. Krasnodar, 1993. P. 97.
13. See: Zevakin E.S. Decomposition of the rural community. Stratification of the Adyghe aul after the reform // Sketches of Adygheya history. Maikop, 1957. V. 1. P. 436.
14. Ratushnyak V. N. Mentioned work. P. 95-97.
15. Vaganov S.V. A short sketch of cattle breeding of the Kuban area in relation to the ways of calves raising and cattle raising practised nowadays. Ekaterinodar, 1895. P. 9.
16. The National archives of the Adyghe Republic (further — NARA). F 21. Op. 1. D. 111. Лл. 1-45.
17. Lenin V.I. Complete collection of works. V. 3. P. 256.
18. The Russian State military-historical archive (further — RGVIA). F. 330. Op. 65. K. 3567. D. 12/11. Лл. 25-26.
19. NARA. F. 21. Op. 1. D. 242. Лл. 1-45.
20. RGVIA. F. 330. Op. 58. K. 2977. D. 72. Лл. 5-6.
21. Peysonel K. The treatise on trade in the Black sea area // The Adyghe, the Balkars and the Karachais in European authors' news of the XIII-XIX centuries (further — ABKIEA). Nalchik, 1974. p. 197.
22. Nevskaya T.A. The Cossacks and mountain dwellers of the Upper Kuban (the end of the XIX — the beginning of the XX centuries) // The Kuban Cossacks: three centuries of historical way. Krasnodar, 1996. P. 180-181.
23. Shatsky P.A. The Ciscaucasia agriculture in 1861 — 1905 (Historical research) // Some questions of socio-economic development of south-east Russia. Stavropol, 1970. P. 130, 155.
24. GAKK. F. 454. Op. 1. D. 50. Лл. 1-27.
25. RGVIA. F. 330. D. 86-100. L. 7; GAKK. F. 254. Op. 1. D. 198. Лл. 1-30; D. 338. Лл. 1-27; D. 660. Лл. 35-90.
26. The Kuban regional sheets. Ekaterinodar, 1900. March, 8th.
27. NARA. F. 1/15 S. Op. 1. D. 6. Лл. 1-15.
28. GAKK. F. 454. Op. 2. D. 938. L. 39.
29. NARA. F. 21. Op. 1. D. 44. Лл. 1-3.
30. The Kuban calendar for 1898. Ekaterinodar, 1897. Department 2. P XII.
31. Ibidem. P. 75.
32. GAKK. F. 454. Op. 2. D. 938. L. 39